

АЛЕКСАНДР БОБРОВ

ПРОГРАММА БУДУЩЕГО

Над книгами Станислава Куняева

*Действие человека мгновенно и одно,
действие книги множественно и по-
всеместно.*

Александр Пушкин

Книга сегодня в России, как и все безусловные духовные ценности, унижена рынком и скомпрометирована антикультурной политикой, но она остаётся последним нашим оружием в беспрестанной борьбе за правду и душу человека. Среди разногласия эфира, мусора интернета и газетной болтовни даже малотиражная книга выступает сгустком авторской мысли и души, плодом долгого и невидимого труда. Будет ли он востребован в потоке времени? Не автору судить. Как писал Александр Герцен: “Опыт, написанный и брошенный в общее употребление, есть книга. Книга — это духовное завещание одного поколения другому, совет умирающего старца юноше, начинающему жить; приказ, передаваемый часовым, отправляющимся на отдых, часовому, заступающему на его место... Она — программа будущего”. Кроме последнего образного выражения, взятого в заголовок, мне более всего по сердцу определение: приказ, передаваемый часовым. Да, Станислав Куняев как автор многих книг, щедро брошенных в общее употребление, отдал бессчётное количество приказов сменщикам на самом ответственном посту русской словесности, но его — мэтра и главного редактора “Нашего современника” — можно ещё назвать, продолжая параллель, разводящим караула. Наш караул не устал, и Куняев сам знает, куда направить очередную смену, какой пароль-название будет злободневен. В статье к 75-летию Юрия Кузнецова я упоминал недавнюю его книгу “...И бездны мрачной на краю” — лучшее, что написано о великом поэте (а я кое-что знаю — и на чтениях Кузнецовских бывал, и автору диссертации о творчестве поэта оппонировал в Литинституте), с которым Куняев много лет проработал в одном журнале и сражался на передовой. Потом появилась вызывающая книга о Серебряном веке — “Любовь, исполненная зла”. Станислав Юрьевич надписал мне её так: “Прими на память второе издание моей книги, где я распрощался с Серебряным веком...” Мне с ним трудно распрощаться столь же решительно хотя бы из-за любви к Блоку, которого, впрочем, можно отнести к Золотому веку русской поэзии, начатому кудрявым Александром и Александром же с тяжёлыми кудрями завершённо-му. Я сам недавно издал книгу “Серебряный век Подмосковья”, где пытался рассмотреть творчество славной плеяды под своеобразным углом поисков

Родины и подчёркнутого любования ею через постижение души и путей России, через скитания и природу, пуская подмосковную, дачную. Тоже многое понял и отрезвел, хотя Шахматово Блока снова могу сравнить только с Михайловским Пушкина. Но тут со страниц куняевской книги — ледяной ливень резких суждений и обнажающих наблюдений. Автор сам передал её главную суть в интервью газете “Культура”, признавшись в прежней любви к поэтам: “Серебряный век считается высочайшим достижением, близким к вершинам Золотого пушкинского века. Но я внимательно изучал поэзию Ахматовой, Цветаевой, Ходасевича, Иванова, Кузмина, Сологуба, Брюсова и прочих идолов русского декадентства и пришёл к выводу, что их творчество — во многом антипушкинское по духу. Я не отказываю им в таланте, но меня интересует их моральный облик. Пушкин тоже в молодости писал богохульные стихи, но в зрелости очень сожалел об этом. А поэты Серебряного века хотели жить в Содоме. Помните, что такое “Бродячая собака”. А как они жили втроем-вчетвером, меняли жен, мужей. Все, что им мешало, — церковь, аскетизм, патриархальный уклад жизни простого народа, — они хотели скинуть. Именно в этот период в обществе возникли бациллы растления и воинствующего антихристианства. Талантливые поэты и писатели ждали и жаждали всевозможных революций: политических, экономических, религиозных, сексуальных. А когда начала литься кровь, они только руками развели. Духовными потомками Серебряного века я называю шестидесятников и современных либералов — они всегда хотят радикальных перемен и потрясений. И этот урок нам нужно хорошо затвердить”. Конечно, многие критики такой позиции примутся объяснять это возрастом писавшего и притуплением чувств, но я, не разочаровавшись столь решительно в кумирах поэтической молодости, всё-таки задумался о главном предупреждении: поэты Серебряного века в своём сиреневом тумане дошли до какой-то нравственной и эстетической черты в творчестве на переломе эпох. Да, они все были дерзостны в вопросах пола и в поисках новой формы, в низвержении замшелых традиций и в левизне взглядов, но это был последний край. Дальше — пропасть. Сила блестящего дарования задерживала их на головокружительной черте, зачаровывала поклонников и мнимых продолжателей. Но любой шаг в том же направлении чреват срывом, деградацией и пошлостью. Они подсказали соблазнительный путь, — хоть Ахматова, научившая говорить женщин, хоть Пастернак со свечой, горевшей на столе, — да не предупредили о главной опасности запредельности. А кровавый и великий XX век разверз и высветил сполохами пожаров этот губительный для подражателей путь. Куняев цитирует Ахматову:

*Я давно не верю в телефоны,
В радио не верю, в телеграф.
У меня на всё свои законы
И, быть может, одичалый нрав.*

Поэтическая поза, конечно, хоть и привлекательная. Последователям надо знать, что Ахматова очень любила говорить по телефону и предупреждать обо всём именно телеграммой — коротко, без лишних объяснений и сантиментов. Думаю, что и интернет она бы освоила, но “одичалый нрав” завораживает и зовёт к чрезмерным дикостям, невиданным тогда...

Откладывая две замечательные книги о поэзии, обращаюсь к третьей, долгожданной и кровотокающей — “Нет на свете печальной измены...” или “Ще не вмерла Україна”. Был уверен, судя по злободневным статьям, что такая книга вот-вот выйдет из-под пера поэта-публициста и станет весомым вкладом в самую болезненную тему Русского мира. Сразу хочу сказать, поскольку работаю над второй книгой про Украину — “От Волыни и до польны”, посвящённой 100-летию Брусиловского прорыва (с участием моего отца, поручика Александра Боброва), — высказать убеждённости, что каждый русский писатель должен обобщить свой опыт, собрать всё, связанное с Украиной, и опубликовать если не книгу, то подборку стихов или цикл статей, чтобы запечатлеть этот морок, трагедию славянского мира, плод многолетних трудов по созданию антирусского “проекта Украина”, губительного для страны, для всех нас. Как оно отзовется, удастся ли издать — это второй вопрос, но надо запечатлеть в Слове, не отдавать на откуп наглавейшую проблему современности трепачам со всяких “Воскресных вечеров” вроде сына юриста из Казахстана

Жириновского или записных либералов с “Эха Москвы” вроде Моти Моргулиса (Гананпольского) из Львова. В издательстве “Алгоритм” мне рассказали, что пришлось закрыть украинскую серию, потому что книги уже не покупаются: “Украина с вечными ток-шоу уже надоела”. Да, усилиями В. Соловьёва, П. Толстого, и Д. Куликова, Р. Бабаяна эту тему дискредитировали, замызгали, запачкали словесными поносом “украинских гостей”, которые ведут себя, как тупые и базарные пропагандисты, к радости организаторов этих пародий на аналитические программы. Тем веселее выстраданное слово писателей, их не политизированный, а пронизательный взгляд.

Книга Куняева состоялась и зажила благодаря трём столпам – ипостасям Стасика. Первая основа – в ней царит глубоко личностный подход, который с первых же строк вызывает доверие к автору и рождает собственные воспоминания. “Львов, где в 60-е годы я дважды побывал на военной переподготовке, был прекрасен. Я жил в казармах Стрыйского парка. Каштаны шумели ясными тёплыми осенними днями. Листва жёлтыми реками колыхалась и плыла по аллеям. Бронзовый Адам Мицкевич глядел свысока на площадь, на знаменитый оперный театр, на футбольную биржу, где разбитной львовский народ делал свои ставки, бил по рукам, обмывал выигрыши...” Господи, вспоминаю я: а ведь в 1966 году командование батальона спецназа, где я стал асом эфира, настойчиво принялось отправлять меня во Львовское политическое училище, к тем же каштанам Стрыйского парка, и только Литинститут, куда я поступил до армии, спас меня. Сколько раз я приезжал потом в любимый Лемберг – совершенно не украинский, хоть и националистический город, пел песни, влюблялся, писал стихи, репортажи и гневную публицистику. Там, где базарили невинные болельщики, сегодня собираются лютые незалежники, и висит безумный баннер-волапук: “Фанзона украинской мовы”. А как описана дорога с женой Галиной по всей Украине! Вот этим доскональным, любовным знанием Украины, её поэзии, ментальности, красочности и дурости пронизана вся книга.

Вторая основа – демократически-редакторская. Ведь большинству СМИ совершенно наплевать на своего читателя и зрителя, главное – рейтинг, место под солнцем, а следовательно, бешеные “бабки”. Но Куняев как руководитель ведущего русского журнала сказал так: “Мы сделали ставку на драгоценные отношения с читателями. Во многих журналах, если возьмём титульную страничку, то увидим: “Рукописи не возвращаются, редакция с читателями в переписку не вступает”. Когда я это прочитал, то понял: нужно занять совсем другую позицию. И мы написали: “Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие и наиболее интересные из них в обширных подборках. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть ему возвращена редакцией”. У нас постоянный круг читателей сложился. Я их узнаю по почерку. Они даже звонят мне домой. Я не жалею на это времени. Всё это в комплексе даёт и внимание к журналу, и тираж...” Отобранные письма с Украины дали картину удивительной подлинности и надежду, что не все ж свихнулись от этой тотальной пропаганды. Она началась давно, и теперь пожинаяются самые ядовитые плоды. Вообще только две больших и развитых страны, два многоэтничных народа подверглись столь безжалостной идеологической обработке: фашистская Германия и необандеровская Украина. Как это могло произойти? Куняев показывает и корни, и вехи губительного пути, начиная с писем 1991–1992 годов: “Если бы Вы слушали республиканское радио, то ужаснулись бы – всё об отделении нас от России! Ни одного журналиста нет, который сказал бы, что это противоестественно – резать наши души на части. Ведь был же наш референдум, но им наплевать! Где, в какой стране могло такое случиться? Все объединяются, а мы – врозь!.. Я и мои близкие пережили голод, войну, два брата погибли, защищая всю нашу державу, а теперь один живёт в Курске, а другие родственники – в Западной Сибири, значит, за границей! Что это такое? За что на старости лет? По какому праву? Только и слышишь по радио эмиссаров из США и Канады, как лучше и скорее отойти от России. Куда же нам обращаться? Может, это покажется Вам смешным, но надежда какая-то есть на Вас, Станислав Юрьевич, на Распутина, на Шафаревича. Что-то предпринять Вы должны, не молчите! Вы лучше всех понимаете, насколько это страшно – отделить нас от всего родного, заветного. Такая обида берёт за русских, украинцев, белорусов, что они не понимают всего ужаса так назы-

ваемого “суверенитета”! От кого отделяться?! Пусть антихристы отделяются! Если возможно, ответьте мне, поддержите морально... Искренне уважающая Вас Изотова Екатерина Евгеньевна и многие другие”.

А страшный маховик уже был запущен, и он перемальывает наше славянское единство до сих пор. Во многом, конечно, виновата четвертьвековая преступная политика самой России на украинском направлении. Чего ждать, если её осуществляла советник Ельцина по национальным вопросам Галина Старовойтова, а сегодня – самый бездарный министр и никакой не дипломат Михаил Зурабов? Даже законченный либерал – бывший депутат-яблочник и основатель “Мемориала” Игрунов – теперь возмущается бездарной политикой Суркова и К⁰, особенно после визита президента Путина к лукавому другу Кучме: “Тогда в Администрации президента решили: если у нас на уровне первых лиц прекрасные отношения, то зачем тратить деньги на всё остальное? Когда я говорил, что нам нужно иметь сеть культурных представительств по всей Украине, то мне отвечали: “Замечательно, но пусть это оплачивают сами украинцы”. То есть украинцы должны оплатить нашу культурную экспансию? Это же абсурд”. Этот абсурд стоил и продолжает стоить России десятков миллиардов долларов кредитов, гуманитарной помощи, военных расходов – никаким США с их фондами и печеньями от Нуланд близко не сравниться! И про эту вопиющую недалёковидность, откровенное предательство элит и в то же время необъяснимую верность Русскому миру простых людей – кричат письма корреспондентов Куняева. Но их, конечно, заглушает телепропаганда и кипящий ненавистью интернет.

Свидомый украинец, воспитанный на книгах псевдоисторика и священника (!) Юрия Мацыка из Могилянської академії (тот считает, что Юрий Долгорукий сам с собой воевал: Москва с Киевом), пыжится: “Я прямиий потомок Київської Русі, до якої ти не маєш жодного відношення. А німецька повія Катяка 2 своїм указом заборонила використовувати назву Московія і московіти, а замість неї вживати назву “руськіє” і це для угро-фінської чухонсько-мордовської орди”. Типичная антиисторическая мантра, не имеющая ни малейшего отношения к реальным геополитическим и этно-историческим процессам древности. “Прямой потомок” Киевской Руси (обычно таковые почему-то не походят на славян!) мог бы прочитать хотя бы Льва Гумилёва. Он писал в труде “От Руси к России”: “Государственный распад Руси отражал происходивший распад этнической системы: хотя во всех княжествах жили по-прежнему русские и все они оставались православными, чувство этнического единства между ними разрушалось. Ярким примером утраты этнической комплиментарности стал поступок князя Андрея Боголюбского. В 1169 г<оду>, захватив Киев, Андрей отдал город на трёхдневное разграбление своим ратникам. До того момента на Руси было принято поступать подобным образом лишь с чужеземными городами. На русские города ни при каких междоусобицах подобная практика никогда не распространялась. Приказ Андрея Боголюбского показывает, что для него и его дружины в 1169 г<оду> Киев был столь же чужим, как какой-нибудь немецкий или польский замок. Следовательно, в конце XII в<ека> Древняя Русь вступила в новую фазу этногенеза – обскурацию. Пассионарность Руси неуклонно снижалась... Такой она и вступила в тринадцатое столетие – век своей трагической гибели”. А уж после татаро-монгольского нашествия от прежней Киевской Руси, по сути, вообще ничего не осталось, татарской и прочей крови столько в неё было влито, что какой-нибудь пскович или потомок новгородских ушкуйников, сам Куняев с татарской фамилией – в сто раз больше наследник славян, чем нынешние украинцы, представленные... Да вы посмотрите на “элиту” Украины, на олигархов и орду письменников, на Гройсмана во главе Рады, на её медийные личности! Это что, славяне, русичи? Не смешите, громадяне! Но не осталось пророссийских сил на Украине, чтобы противостоять этому бреду. Дойдёт ли туда книга Куняева, вступит ли в мировоззренческий спор? Не загадываю, но мысли её, пристрастия и гнев нужны самой России.

Третьей сильнейшей стороной книги “Ще не вмерла...” является не только исповедь русского поэта, любящего Украину, но и хлесткая отповедь тем, кто предал в жесточайшей мировоззренческой схватке русскую идею. Особенно горько Куняеву осознавать, что в стан врагов перекинулись те, кого он поддерживал словом и делом. Например, Марина Струкова – многолетний автор, лауреат и баловень (как в женском роде?) “Нашего современника”. Письмо ей,

считаю, входит в ряд выдающихся открытых писем русской литературы – перлов этого жанра. Дело не в том, что Струкова не Гоголь, который ответил на запрещённую цензурой письмо Белинского (кстати, в литературном даре Гоголя неистовый Виссарион и не сомневался, как и самый знаменитый украинец в таланте великоросса), а в том, что бескомпромиссная речь шла о гражданской позиции, о вере и понимании блага своего народа. Каждому времени – свои беды, объяснения и внушения: “Дело в том, что 25 лет тому назад я получил из далёкого тамбовского села письмо и школьную тетрадочку со стихами от молоденькой учительницы начальной школы. Стихи были свежие, искренние, талантливые, патриотические, и мы, конечно, сразу опубликовали их. Марина Струкова в то страшное время после первой же публикации проснулась, как говорится, “знаменитой”. Последующие публикации её стихов были только в нашем журнале, с помощью которого вскоре вышла первая книга Марины “Солнце войны” с предисловием Вадима Кожина (1998) и “Серебряная пуля” (2003) с моим послесловием. Вадим Кожин, прочитав рукопись книги, вручённую ему мной, восхитился именно Мариной “русскостью”. Вскоре после выхода книги “Солнце войны” мне позвонил Александр Проханов и попросил, чтобы я познакомил его с Мариной. Так она стала постоянным автором газеты “Завтра”, а после октября 1993 года – любимицей молодёжи, сплотившейся вокруг Баркашова в “Русское национальное единство”, известное в истории под аббревиатурой РНЕ. Именно поэтому в 2007 году, когда на Украине стало разгораться пламя оранжевого майдана, я послал Марину в “незалежную”, чтобы она поглядела русскими глазами на всё, что там происходит, и рассказала нашим читателям об украинской драме честно и правдиво. Что она и сделала. Свой очерк “Над Днестром и Смотричем” Марина завершила словами: *“До встречи, Украина! Десять антирусски настроенных субъектов в толпе и пять у власти не заставят меня относиться хуже к твоему народу и песням, полям и храмам, великой истории и славянскому братству...”* И вдруг в июле 2015 года Куняев получил от неё письмо после публикации пронзительного обзора упомянутых русских писем с Украины. Редактор не выдержал, ответил: “Послание Марины ко мне начинается так: *“Люди, написавшие Вам письма, по менталитету – советские, ностальгируя по своей молодости (так в оригинале. – Ст. К.), они хотели бы вернуться в те дни, от которых в памяти осталось только хорошее, а плохое забылось. Их мечта – восстановленный Советский Союз. Они запомнили репрессии, нищету, вынужденное молчание. Такие говорят, что несмотря на то, что их предки погибли или отсидели в ГУЛаге, нужно простить Сталина. Я не прощу, не предаю память предков – это они, русские, казаки, гибли “от пуль, голода и холода” в советской стране, скрывались или сидели по лагерям. Для меня сегодня вернулась та гражданская война, те 20–30-е годы. Не могу быть на стороне новых большевиков”*. Твой детский политический лепет, Марина, твоя мировоззренческая инфантильность поразили меня. По-моему, ты до сих пор не прочитала “Тихий Дон” Шолохова, не прочитала его переписку со Сталиным и мыслишь, как гимназистка-эмигрантка первого поколения, сбежавшая в 1920 году из Крыма в Турцию. Но ведь даже люди той эпохи прозревали – жизнь заставляла их это сделать. Вспомни, что Деникин отказался от предложения Гитлера сотрудничать с ним, потому что его русское сердце не пошло на эту сделку. Вспомни, что Бунин, написавший в запальчивости “Окаянные дни”, в 1943 году молил Господа, чтобы со Сталиным, отправившимся в Тегеран на встречу с Черчиллем и Рузвельтом, ничего не случилось в пути. Вспомни, в конце концов, героическую судьбу генерала Карбышева, вспомни, что в гражданской войне почти половина бывших офицеров царской армии воевала на стороне красных, чтобы спасти Россию от мировой Антанты. А теперь о другом. Ты пишешь, что мои украинские корреспонденты **“ностальгируют по своей молодости”**. Но многие авторы этих писем не какие-то советские старики, а твои ровесники. Таковы молодые поэты из Новороссии – Максим Газизов, Артём Маслов, Игорь Галкин. Такова моя корреспондентка из Харькова. Таковы журналисты Василий Бабанский из Киева и Сергей Кривонос из города Свитово. Таков, в конце концов, твой ровесник Олесь Бузина, убиенный твоими майдановскими отморозками. Шельмуя советскую эпоху и не понимая Сталина, ты уподобляешься и западным русофобам, и нашей “пятой колонне”.

Дальше у Струковой пошёл лепет и о слезинке донбасского ребёнка с противопоставлением слезинке чеченского ребёнка, и набор пропагандистских

штампов о Крыме, и весь либеральный мусор вроде “за украинской правдой стоит прогресс”. Стыдно цитировать и страшно осознавать: вот так дурной характер и душевный вывих перетекают в газетный стиль и побеждают поэтический дар... Впрочем, в отличие от Куняева с Прохановым, я и тогда не восхищался стихами “русской амазонки”, которые автор цитирует, упрекая в измене себе самой:

*Демократия сдохла, сорваны маски,
Диктатура спецслужб — рукой на горле.
Либерал по инерции мямлит сказки,
И Россию на Западе с карты стёрли.*

Так видно же, что это — плакат, дерзкая поза. Надо было выделиться тогда: “Наша классика — Пушкин и АКМ”, — будет политиканствовать и теперь, на поляне “украинской демократии”. В каких степях и на майданах она её разглядела? Но давший путёвку в литературную жизнь прямо признаётся в недалёковидности и спрашивает: “А может, тебе действительно, подобно Ксюше и Маше, “свалить из рашки”, встроиться в украинскую жизнь, попросив у Саакашвили работу?” Нет, не примут — за русскую бунтующую кровь и прошлые стихи...

О многом и главном можно вспомнить и подумать над страницами новых книг Куняева, который не просто издаёт типографски всё написанное и опубликованное в периодике, а именно создаёт Книгу — продуманное, выстроенное явление текущего литературного процесса. И если он не впадёт в Лету, не кончится вместе с Россией, то снова и снова автор будет подтверждать пушкинские слова: “*Действие человека мгновенно и одно, действие книги множественно и повсеместно*”.